

Е. М. МЯГКОВА

ВАНДЕЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ФРАНЦУЗОВ XIX СТОЛЕТИЯ*

История XX века изобилует разнообразными имперскими и расовыми доктринами, военными конфликтами и политическими противостояниями мирового масштаба. Это было время революционных потрясений, мощной волны деколонизации и начала интеграционных процессов в Европе. «Возвращение к национальной истории в силу возрождения самой идеи нации сегодня навязывает себя. Это возрождение вызвано не страхом уничтожения в ходе войны, как это было раньше, но напротив, угрозой внутреннего разрушения под гнетом того тяжелого бремени, которым ложится на ее идентичность вступление в европейское пространство, децентрализаторские стремления регионов и приток иностранного населения»¹.

Отличие Франции от других стран составляет лидерство исторических исследований в формировании национального сознания, в центре которого – представление о непрерывности истории страны и единстве государства. Созданная при Реставрации и достигшая апогея при Третьей Республике картина национальной истории ориентировалась на выбор из прошлого только фактов, объяснявших прогрессивное и последовательное развитие «нации». Порожденный философией Просвещения универсализм этой концепции² оборачивался отрицанием различий и социальной, провинциальной, религиозной разнородности. События, нарушавшие логику государственной центра-

* Статья выполнена в рамках проекта «Кризисы переломных эпох в мифологии исторической памяти» по программе ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

¹ Нора П. Предисловие к русскому изданию // Франция — память. СПб., 1999. С. 10.

² См.: Bell A. The Cult of the Nation in France: Inventing Nationalism (1680–1800). Cambridge, 2001.

лизации и национальной консолидации, исключались из исторического повествования или подавались как недоразумение.

Историкам XIX века требовалось сочетать неизбежный национализм (патриотизм) с требованиями беспристрастности. При всем искреннем стремлении к объективности («писать без гнева и пристрастия»), в повествовании о главном герое — французском народе — они вполне осознанно творили миф, «великую сагу национальной истории»³. Так появилась модель, в основе которой лежала «история забвений в истории»⁴. Вместе с тем, в отношении беспрецедентной по жестокости и количеству жертв гражданской войне в Вандее (1793–1796) стратегия «умолчаний» или поправок на «случайность», «недоразумение» оказалась невозможной. Выход здесь напрашивался через процедуру сотворения «кажимостей», создания вымышленной реальности, способной, при всей своей фантастичности, заслонить реальность подлинную и *только в этом качестве* занять место на страницах научных и художественных произведений⁵.

Множество культурных форм «незаметно» вовлечены в отношения власти, а сама эта замаскированность порождена конъюнктурными интересами, подлежащими интерпретации. Так, если язык не является простым орудием содержания, а активно его производит, то литература не может мыслить себя вне властных отношений, вести независимую от политического измерения жизнь. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы выявить те «коварные знаки», которыми общество метит писателя⁶. Принятие положения об историчности отношения литературных производителей к средствам труда и его продуктам (лексикон, романная форма и др.) ведет к анализу текстов, поэтапно «перемещавших» Вандейскую войну от конкретного *события* к опозитивированному *образу* и далее — к идеологически нагруженному *символу*.

³ См.: Уваров П. Ю. История, историки и историческая память во Франции // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 192–211.

⁴ Нора П. Предисловие к русскому изданию. С. 9.

⁵ Girardet R. La Vendée dans le légendaire national français // La Vendée dans l'Histoire. Actes du Colloque. Paris, 1994. P. 161–168.

⁶ См.: Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.

Район восстания представлял собой неправильный четырехугольник, вытянутый с запада на восток; театр военных действий включал территорию четырех департаментов (Вандея, Дё-Севр, Нижней Луары, Мен и Луары), находился на границах трех прежних провинций (Анжу, Пуату, Бретань)⁷. Вандея не была ни колыбелью мятежа (он начался повсюду почти одновременно), ни ареной его главных событий⁸. Не идентифицировали себя с ней и сами повстанцы. Их силы («Католическая и королевская армия») были разделены по «географическому» признаку, согласующемуся с местническим духом и клановыми связями крестьянского воинства: Армия Анжу, или Великая армия (под командованием Ж. Кателино, М.-Ж. д'Эльбе, Ш.-М. Боншана и Ж.-Н. Стоффле), Армия Центра (Л.-Ш. Руаран, Ш.-А. Сапино), Армия Верхнего Пуату (Л.-М. Лескюр и А. Ларошжаклен), Армия Нижнего Пуату (Ф.-А. Шаретт). Описанный принцип напоминал старую феодальную систему доменов, а потому не столько объединял усилия восставших, сколько порождал соперничество, зависть и даже вражду.

И все-таки на языке парижской улицы «Вандея» уже в 1793 г. означала «непримиримый враг революции»⁹. Рождение нового понятия было тесно связано с механизмами функционирования массового сознания и формированием института общественного мнения. Имя мятежного края прозвучало в Париже из донесения командированного в Сент-Эрмин депутата Жозефа Ниу от 15 марта 1793 года. Его рапорт вызвал оживленную дискуссию в Конвенте и был полностью воспроизведен на страницах официального «Монитёра» (№ 78 от 19 марта 1793 года). Вступление в действие регулярных войск под командованием генерала Л. де Марсе считалось вполне достаточным для разгона «бунтовщиков», однако 19 марта республиканская армия была наголову разбита под Сен-Венсаном.

⁷ Восточная часть бывшей провинции Пуату стала Вьенной, центральная – Дё-Севр, западная – Вандеей; на территории Анжу образовался департамент Мен и Луара, на территории Бретани – Финистер, Кот-дю-Нор, Иль и Вилен, Морбиан, Нижняя Луара (или Атлантическая Луара).

⁸ Основные военные действия происходили на территории департамента Мен и Луары.

⁹ *Летчфорд С.Е.* «Вандея» – судьба одного понятия // Новая и новейшая история. Вып. 19. Саратов, 2000. С. 39–42.

В сгущавшейся атмосфере шпиономании событие немедленно обрело статус измены и предательства¹⁰. Этому способствовал захват крестьянами Фонтене¹¹ (25 мая 1793 г.), ставшего первым департаментским центром, над которым взвилось белое знамя роялизма. Наконец, потеря столицы Вандеи крепко переплелась с последовавшим через несколько дней падением жирондистов, обвиненных в развязывании гражданской войны.

Сложнейшая ситуация 1793 года, во многом сделавшая возможным приход к власти якобинцев, поставила их лицом к лицу с многочисленными «врагами» (реальными и мнимыми), которых они облекали в яркие *образы*. Прежде всего, Франции угрожала интервенция европейских монархов. Страшным символом *внешнего* врага выступала Англия, хотя она не вела военных действий и вовсе не так страстно боролась с революцией на континенте¹². Гораздо сложнее дело обстояло с олицетворением *внутреннего* врага, коим и стала Вандея.

В июне мятежники захватили город Сомюр, открыв себе путь на Париж, но, рассчитывая на помощь англичан с атлантического побережья, повернули на запад и осадили Нант. Отчаянное сопротивление республиканского центра и крупнейшего порта, а также смертельное ранение генералиссимуса Кателино деморализовало крестьян, отряды которых поредели в связи с сезоном полевых работ. Тем временем революционные власти приняли знаменитый декрет об «уничтожении расы разбойников», направив в непокорные департаменты армию под командованием Ж.-Б. Клебера и Ф.-С. Марсо, и одержали первую крупную победу. Разгромленные части во главе с А. Ларош-жакленом (увлекая за собой семьи, которым грозил «синий террор») переправились через Луару и начали беспрецедентный поход в Нормандию (*Viree de Galerne*)¹³, надеясь на поддержку

¹⁰ Gérard A. La Vendée. 1789-1793. Champ Vallon. 1992. P. 117–122.

¹¹ Сент-Эрмин, Сен-Венсан-Стерланж – населенные пункты на территории Вандеи; Фонтене – старейший культурный центр, «столица» департамента Вандея.

¹² См.: Hutt M. Chouannerie and Counter-revolution: Puisaye, the Princes and the British Government in the 1790s. 2 vol. Cambridge, 1983.

¹³ Непереводаемая игра слов: *Virée* – поворот, прогулка; *Galerie* – на местном диалекте – название ветра, дующего с северо-запада (с берегов Атлантики). Однако отступающая армия потеряла здесь последнюю

бретонской шуанерии и английский десант. Достигнув Гранвиля на берегу Ла-Манша и не получив ни того, ни другого, огромная восьмидесятитысячная толпа двинулась обратно, пока в декабре близ Ле Мана не была окружена и перебита.

Монтаньяры поместили Вандею на беспрецедентном стыке внутренней (восстание марта 1793 года) и внешней (Англия) угрозы, в абстрактный образ абсолютного врага, контрреволюции вообще¹⁴. Бросается в глаза показательность действий Конвента в назидание для настоящих и будущих мятежников. Так, в ноябре 1793 года департамент многозначительно переименовали в «Отомщенный»¹⁵. Обрушившийся же с востока поток «адских колонн» генерала Л. Тюрро и тактика выжженной земли сделали из региона настоящее «кладбище нации»¹⁶. Согласно современным подсчетам, территория Вандеи, Дё-Севр, Мен и Луары, Атлантической (или Нижней) Луары потеряла между 1793 и 1796 гг. от 140 до 190 тысяч человек, что составляло 1/4 – 1/5 населения, местами 1/3, а часто и половину¹⁷.

Это событие имело принципиальное значение. Во-первых, уничтожено было не абстрактное понятие, но конкретный департамент; якобинская же аллегория исторически неверно и весьма несправедливо материализовалась в границах Вандеи. Во-вторых, «синий» террор имел обратные результаты. Жестокость, оставившая глубокий травмирующий след в психологии людей, дала удивительный шанс роялистской контрреволюции. Не имея опоры в «народе» и лишенная

видимость военных соединений: вслед за ней двигалась несметная толпа стариков, женщин, детей; в общей сложности – 80 тысяч человек.

¹⁴ Gérard A. Par principe d'humanité: la Terreur et la Vendée. P., 1999.

¹⁵ Игра слов: *Vendée* (Вандея) – *Vengé* (Отомщенный).

¹⁶ Fournier E. La Terreur bleue: première phase de l'extermination des Vendéens, décrétée par le Pouvoir: 17 oct. – 23 déc. 1793. P., 1984; *Idem*. Turreau et des colonnes infernales: deuxième phase de l'extermination: 1-er janvier 1794 – 9 thermidor, 27 juillet 1794. P., 1986; Secher R. Le génocide franco-français: La Vendée-Vengé. P., 1986.

¹⁷ Hussenet J. La guerre de Vendée: combien de morts? // Recherches vendéennes. N 1. 1994 (Vendée). P. 39–89; N 2. 1995 (Maine-et-Loire). P. 31–95; N 3. 1996 (Loire-Atlantique). P. 301–366; Arches P. Guerre de Vendée et sources démographiques pendant la Révolution et l'Empire. Essai critique sur les Deux-Sèvres // Ibid. N 4. 1997. P. 147–162; Hussenet J. La guerre de Vendée: combien de morts? // Ibid. P. 163–218.

до 1793 года поддержки, аристократия оказывала весьма призрачное влияние. Но восставшая и страдающая Вандея создавала уникальную возможность для использования ее в собственных целях (побережье, Англия, эмиграция).

Термидорианский переворот приостановил противостояние двух стихий – «мужиков-рыцарей» и «босоногих героев» (Виктор Гюго). Новая власть настояла на переговорах, которые увенчались подписанием перемирия в Ла Жоне 17 февраля 1795 года. С этого момента термин «Вандея» в его образно-символическом аспекте проникает на страницы республиканских изданий. Снятый с должности и посаженный в тюрьму за излишнюю жестокость генерал Л. Тюрро, в качестве оправдания, наполнил свою книгу рассказами о зверствах мятежников (их он намеренно называл «вандейцами»), среди которых якобы вообще не было мирных жителей (даже женщины и дети вели истребительную войну против Республики)¹⁸. Мемуары, вышедшие впервые в 1795 г., вызвали критику со стороны эмиграции. Осевший в Лондоне Б. Пуарье де Бовэ выдвинул свою версию и гордо именовал себя «генералом вандейской армии»¹⁹, не смущаясь тем, что такой армии никогда не существовало. Так, заимствовав распространенную среди оппонентов терминологию, он открыл ей путь в роялистскую среду.

Став порождением обстоятельств, термин переключался на страницы научных трудов и художественных произведений. Ф. Шатобриан, О. Бальзак, В. Гюго, А. Дюма, Жорж Санд, Жюль Верн посвятили Вандее не один десяток живописных страниц²⁰. Популяризированная в общих трудах по истории революции

¹⁸ *Turreau L.-M. Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre de la Vendée. P., 1824. Rééd. 1992.*

¹⁹ *Poirier de Beauvais B. Mémoires inédits de Bertrand Poirier de Beauvais, commandant général de l'artillerie des armées de la Vendée. P., 1893.*

²⁰ *Шатобриан Ф.* Замогильные записки. М., 1995; *Бальзак О.* Шуаны, или Бретань в 1799 г. // Собр. соч. Т. 11. М., 1954; *Гюго В.* Девяносто третий год // Собр. соч. в 15 тт. М., 1953–1956. Т. 11; *Дюма А.* Сопратники Иегу. Курск, 1992; *Он же.* Волчицы из Машкуле. Т. 1–2. М., 1995; *Sand G. Cadjo. P., 1868; Verne J. Le comte de Chanteleine // L'Œuvre de Jules Verne. T. 49. P., 1970. См.: Peschot B. Bibliographie des romans consacrés aux guerres de Vendée et de Chouannerie // Vendée, Chouannerie, Littérature. Actes du Colloque d'Angers (12–15 décembre 1985). Angers, 1986. P. 547–558.*

(А. Ламартин, Ф. Минье, А. Тьер, Ж. Мишле, Э. Кине, Л. Блан, И. Тэн²¹) «Вандея» воспринималась впоследствии исключительно как знаковое понятие, обозначающее контрреволюцию.

В первой половине XIX в. Европа жила бурной жизнью: рушились троны, с небывалой быстротой перекраивались границы, возникали и исчезали государства. Перед лицом феерической смены событий интерес к истории был совершенно закономерен. «Я испытал счастье, – писал в 1830-х гг. О. Тьерри, – увидеть то, о чем больше всего мечтал – исторические труды завоевали себе наибольшую популярность в общественном мнении: ими занялись самые первоклассные писатели. Существовало мнение, тогда казавшееся вполне обоснованным, что именно история наложит свой отпечаток на XIX в., что она даст ему имя, как философия дала свое имя XVIII в.»²².

Искусство, стремящееся понять и уловить характер всемирного развития, требовало не анализа, раздроблявшего целое на механически соединяемые факты, но синтеза – *целостного* образа культуры или эпохи. Впрочем, заявленное здесь постижение реальности невозможно лишь через эмпирическое нагромождение фактов и требует участия *воображения*, восполняющего, с одной стороны, «пробелы источников», а с другой – преодолевающего известный агностицизм XIX века. Во-первых, автор должен не только изучить события, но и отгадать («девиная» Огюстена Тьерри) скрытую в них идею, понять («понимание» Шлейермахера) сознание и чувства людей, глубоко и правдиво восстановить многогранную жизнь общества на страницах своего произведения. Размышления, объяснения, подлинные персонажи не сделают дух эпохи живым; только умелое сочетание истины и вымысла воссоздает полную картину нра-

²¹ Ламартин А. Жирондисты. Т. 1-6. СПб., 1911; Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. СПб., 1906; Тьер А. История Французской революции. Т. 1-5. СПб., 1873-77; Michelet J. Histoire de la Révolution française. Т. 1-7. Р., 1846-1857; Кине Э. Революция и критика ее. Т. 1-2. М., 1908; Блан Л. История Французской революции 1789 года. Т. 1-12. СПб., 1908; Тэн И. Происхождение общественного строя современной Франции. Т. 1-5. СПб., 1907.

²² Тьерри О. Избранные сочинения. М., 1937. С. IX.

вов, выявляя недоступную документам правду. «Воображая», писатель не придумывает, а интуитивно постигает историю, не искажает, а дополняет ее («историзм» В. Скотта).

Выравнивание эвристического статуса факта и вымысла снимало иерархическую дихотомию «высокого»/«низкого» в творчестве ученого и художника. Провозглашенная О. Тьерри реформа нашла отклик у В. Гюго, предложившего новую форму «драматического романа», «где придуманный сюжет разворачивается в разнообразных правдивых картинах, подобно тому как разворачиваются события в действительной жизни», романа, «который должен быть живописным, но и поэтическим, полным реализма, но и вместе с тем идеальным, правдивым, но и возвышенным»²³. И хотя в теоретическом плане романтики нередко расходились в оценке соотношения обоих начал – здравомыслия (Д. Байрон) / фантазии (П. Шелли) – важнейшей доминантой оставалось признание их сущностного родства.

«У истории своя правда, у легенд – своя. Правда легенд по самой своей природе совсем иная, нежели правда историческая. Правда легенд – это вымысел, итог которого – реальность. Впрочем, легенды и история идут к одной и той же цели – в образе преходящего человека представить вечночеловеческое»²⁴.

Равноценное признание факта и вымысла побуждало романтиков к поиску равновесия и в способах «подачи материала» (повествования и анализа), однако содержательность обоих компонентов диады отличалась у них заметным своеобразием. Исторический роман XIX века унаследовал от эпохи Просвещения убеждение в нравоучительной функции искусства: становясь научным, он оставался «дидактическим». Способность произведения вбирать в себя «злобу дня», сплавлять ее с грандиозными обобщениями, вечными вопросами бытия, видеть прошлое в свете дня настоящего и настоящее в зеркале прошлого – коренное свойство романтического мировоззрения.

«Поэзия политики» (Байрон) пронизывает произведения романтиков не только на современные, но и на исторические темы. Не удивительно, следовательно, что зачастую Гюго и

²³ Гюго В. О Вальтере Скотте. По поводу «Квентина Дорварда» // Собр. соч. Т. 14. С. 50–51.

²⁴ Гюго В. Девяносто третий год // Собр. соч. Т. 11. С. 180.

Дюма заимствуют у прошлого главным образом обрамление для воплощения нравственных и социальных идей текущего дня. Подкрепляя свой вымысел фактами, обращаясь к документам соответствующих эпох, они всякий раз предупреждали читателя, что пишут не научный труд, а роман, где личное «я» – творец всего сущего, где авторская мысль доминирует над источником, где художник – полновластный хозяин преображаемого мира. Впрочем, индивидуальная манера есть лишь особый угол отражения, не искажающий правды, а своеобразно выявляющий ее. Иными словами, анализ конкретного материала принимает здесь форму аксиологического суждения, а выбор сюжета, идеи книги обретает принципиальную значимость.

Возросший интерес к истории порвал с просветительской идеей «всеединого человечества». «История родной страны, родной провинции, родного народа, – писал О. Тьерри, – является *единственной*, которая пробуждает в нашей душе патриотический интерес. Другие истории могут казаться нам занятыми, поучительными, достойными удивления, но они не волнуют нас в такой мере». Отныне не общее, а частное (уникальное), не сходство, а различие считается дорогой к истине. «Если хотят, чтобы население всей Франции, а не только Иль де Франса обрело в прошлом свою областную историю, то нужно, чтобы наши анналы утратили искусственное единство, чтобы они охватили во всем его разнообразии прошлое всех провинций этой обширной страны, которые всего лишь два века как объединены в сплоченное однородное целое»²⁵.

Романтиков привлекали легенды: библейские, античные, средневековые, фольклорные. Бурная реальность требовала монументальных сюжетов и могла быть адекватно воплощена только в образах мифологического масштаба. Гражданская война 1793 года представлялась великолепным «концентрирующим зеркалом»: «Нельзя до конца понять Вандею, если не дополнить историю легендой; история помогает увидеть всю картину в целом, а легенда – подробности. Признаемся же, что Вандея стоит такого труда. Ибо Вандея – своего рода чудо»²⁶.

²⁵ Цит. по: *Реизов Б. Г.* Французская романтическая историография (1815-1830). Л., 1956. С. 99. (Курсив мой. – *Е. М.*)

²⁶ *Гюго В.* Девяносто третий год // Собр. соч. Т. 11. С. 180.

Построенная на сочетании экспрессивности и естественности, романтическая эстетика равно тяготела к мифотворчеству и бытописанию. Восприняв идею чередования цивилизаций, она ориентировала на точное воспроизведение внешних примет («местного колорита»), духа эпохи и культуры (поведение, чувства, верования людей). «Физиологический» очерк сочетал просветительскую традицию сатирического осуждения «неразумных» обычаев, установку на исправление и очищение нравов с современным ему любованием самобытностью. Под влиянием учения О. Тьерри о завоеваниях и роли малых народностей, многовековая вражда Бретани и Франции часто интерпретировалась как национальная²⁷. Главы многих романов поражают реалистичностью описаний, но одновременно приковывают внимание к «оригинальному», сумасбродному, нелепому или жуткому. Они хроникальны, в них четко запечатлены и конкретные события, и типы участвовавших в событиях людей, но при этом эмоциональное напряжение повествования таково, что изображенное вырастает до размеров «Гога и Магога» — до вселенского символа *Восстания*.

В центре искусства XIX века находилась *личность*, разбухшая историческим процессом, предоставившим ей неограниченное, казалось, поле деятельности (Наполеон или Боливар — два архетипа романтического характера). Однако неприятие современного общественного развития (крах «царства Разума») привело к разладу между субъектом и не соответствующим его высоким требованиям, но навязывающим свои правила миром («двоемирие»). «Искатель», «энтузиаст» сменяются «отчужденным» героем — одиноким мечтателем, непризнанным художником, разочарованным скитальцем, отчаявшимся бунтарем, холодным нигилистом, испытывающим «любопытство к злу» (А. де Мюссе). Его недовольство обретает характер «мировой скорби», но одновременно сохраняет жажду гармонии, тоску по утраченной простоте и целостности.

Идея «жизнестроения» (Л. Гинзбург) отныне переводила все упования из реального в сугубо идеальный план, и конструирующей чертой романтического персонажа оказалось во-

²⁷ См.: *Реизов Б. Г.* Ук. соч. С. 69–122.

ображение. Так была создана грандиозная, многообразная утопия красоты, активности, самодостаточности суверенной личности, национального единства, очеловеченной природы, добродетельной революции. Окружающая действительность была, следовательно, насильственно «упразднена»²⁸ силой художественного творчества; это был не преднамеренный эскапизм («искусство для искусства»), но средство переключения изображаемого в систему подлинного бытия (в противовес «эмпирической пошлости»).

Однако извечный конфликт грубой материальности и духовного начала был бы бесперспективным, если бы субъект не обладал правом *выбора*. Противопоставление естественной связанности окружающей средой – нравственной независимости предоставляет уникальную возможность *персонального* приближения к идеалу, к которому неуклонно ведет эволюция всего общества. Иными словами, обращенные в прошлое (зло) будут принуждены уступить течению времени, ориентированные к будущему (добро) – опережат его ход.

Популярность Вандеи на образно-эмоциональном уровне²⁹ практически лишила ее научного осмысления. Следует, впрочем, заметить, что оценка явления и вкладываемое в него содержание расходились по противоположным сторонам широкого спектра: мрак, насилие, варварство – «естественная» наивность, жертвенность, святая набожность; гражданская война, бунт, предательство – мученичество во имя идеала, борьба с тиранией, героизм³⁰. По сути дела, это была «война» за право истолкования мятежей, и, если оставить в стороне эту экстраординарную борьбу, то предложенные еще с конца XVIII века варианты существования практически неизменными более ста лет.

²⁸ Замечание К. Маркса о Ж. Прудоне. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 16. С. 24.

²⁹ См.: *Peschot B.* L'image du Vendéen et du Chouan dans la littérature populaire du XIX-e siècle // *Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest.* 1982. N 2. P. 257–264; *Queffelec L.* Contre-Révolution, Guerre civile ou Résurgence du passé: La Vendée dans le roman-feuilleton de 1836 à 1848 // *Vendée, Chouannerie, Littérature.* P. 377–400.

³⁰ *Petitfrère Cl.* Les causes de la Vendée et de la Chouannerie // *Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest.* 1977. N 1. P. 75–101.

Одно из важных мест среди них занимает концепция географического детерминизма. Главный ее аргумент – очевидное разделение между землями Бокажей, восставших за честь короля, и югом Нижнего Пуату (Равниной), оставшимся верным Республике. Политики и офицеры, столкнувшиеся с упорным и продолжительным сопротивлением крестьян, находили оправдание своим неудачам в «природных» преимуществах первой зоны с ее кустарниками и ямами. По мнению генерала Л.-М. Тюрро, возглавлявшего Западную армию в декабре 1793 года – феврале 1794 года, болота были «естественными укреплениями, делающими атаки очень опасными и, следовательно, помогающими защите, особенно местного населения. Здесь мало дорог, пригодных для телег; большинство из них лишь тропинки, приспособленные к передвижению ослов с поклажей и соединяющие два канала»³¹. Бокаж – «сильно пересеченная местность, хотя в ней нет больших рек; очень неровная, хотя в ней нет гор, и очень закрытая, хотя в ней мало лесов, а часто встречающиеся рощи имеют в целом среднюю протяженность. Она очень неровная и очень пересеченная оттого, что здесь много холмов, небольших долин, оврагов, маленьких рек, почти всегда преодолеваемых вброд, даже ручьев, которые переходят, не замочив ног, но при малейшем дожде обращающихся в потоки»³².

Унаследованное от античности убеждение в том, что Природа «производит» людей точно так же, как она «производит» растения и животных («теория климатов»), имело значительное влияние на мировосприятие современников. Географические контрасты даже на территории одного государства приводят к формированию различных типов населения. В соответствии с традициями эпоса, окружающая среда во многих романах активно участвует в событиях, однако, вопреки Шатобриану и Мишле, у которых пейзаж выступал подлинным актером, лес у Гюго был лишь пособником. Бокажи сделались «прислужниками нового мятежа», где человек даже не исчезал, а как бы «растворялся без остатка. Именно эта способ-

³¹ *Turreau L.-M.* Op. cit. P. 15.

³² *Ibid.* P. 22.

ность противника мгновенно рассеиваться настораживала наши армии, и подчас они останавливались в нерешительности перед этой неизменно отступающей Вандеей, перед ее неправдоподобно проворной ратью»³³.

Если среда диктовала войне форму и стратегию («натурализация» истории), то человеку она давала мораль и облик: «...странный светлоглазый длинноволосый человек, вся пища которого – молоко да каштаны, весь горизонт – стены его хижины, живая изгородь, да межа его поля»; он умеет «только запрячь волов, наточить косу, выполоть ржаное поле, замесить гречневые лепешки... в долине – он хлебопашец, на берегу реки – рыбак, в лесной чаще – браконьер; он любит своих королей, своих сеньоров, своих попов, своих вшей; он несколько часов подряд может, не шелохнувшись, простоять на плоском пустынном берегу, – угрюмый слушатель моря». Характер местности подсказывает ему и многие поступки: «В чудесных явлениях природы скрыт двойной смысл – она восхищает взор истинно просвещенных людей и ослепляет дикаря». «Между мятежником-горцем, каковым является швейцарец, и лесным мятежником-вандейцем есть существенная разница... Один привык к безднам, другой к рытвинам. Один – дитя горных пенящихся потоков, другой – стоячих болот, откуда выползает лихорадка; у одного над головой – лазурь, у другого – сплетение ветвей, один царит на вершинах, другой хранится в тени». Когда вглядываешься в хмурый пейзаж, «хочется порой оправдать человека и обвинить природу, исподтишка подстрекающую его на дурное»³⁴.

«Наивный» роялизм – в качестве очередной гипотезы – обычно уподобляется психологическому потрясению: крестьяне были придавлены новым режимом, шокированы упразднением монархии и казнью самого короля³⁵. Дополнительный не-

³³ *Гюго В.* Девяносто третий год // Собр. соч. Т. 11. С. 183, 324.

³⁴ Там же. С. 180–181, 194. Вопреки «анимализированным» описаниям Бальзака (язык животных), у Гюго шуаны, скорее, «вегетализировались», говорили языком растений. См.: *Leclerc Y.* Pages-paysages de la Vendée et la Chouannerie // Vendée, Chouannerie, Littérature. P. 361–362.

³⁵ *Beauchamp A.* Histoire de la guerre de la Vendée et des Chouans depuis son origine jusqu'à la pacification de 1801. 3 vol. P., 1806; *Lucas de La*

гативный фон подпитывался сопротивлением военному набору. Отказ служить «злой Республике» есть доказательство сильной привязанности к земле, ярко выраженного духа партикуляризма. Атаки же революции на положение церкви в обществе и государстве (декрет о гражданском устройстве духовенства) вызвали, по мнению одних авторов, «стихийную» защиту крестьянами «неправильной» (ошибочной с точки зрения теологических принципов) религии, по мнению других – доказывали «фанатизм» и бессмысленность набожного рвения³⁶.

Так, Шатобриан с восхищением и почтением наблюдал за представителем «старинных Жаков», появившимся в эмигрантском обществе с письмом от «своих вождей»: «...Лицо его отличало простонародную деревенскую натуру, поднявшуюся волею нравственных обстоятельств на защиту интересов и идей, этой натуре чуждых; врожденная вассальная верность, простодушная христианская набожность смешивались в нем с грубой плебейской свободой и привычкой уважать себя и не прощать обид. Чувство независимости казалось в нем всего лишь сознанием силы своих рук и неустрашимости сердца...»³⁷.

Доминирование личностного начала в романтической эстетике побуждало историков XIX века к поискам «главных подстрекателей», на роль которых, как правило, выдвигались аристократы и священники. Эта традиция берет свое начало от революционных пьес 1793-94 гг.³⁸ Типичной мелодрамой этого цикла являются «Вандейские разбойники» Булло (1793 г.). Взятый в плен и привязанный к дереву волонтер излагает свои мысли в небольшом монологе: «О, фанатизм! До каких зверств доводишь ты человека! Лишенные просвещения, которое только и может облагородить человека, эти дикари легко поддаются вероломным уговорам чудовищ, которые всюду и везде вредят обществу своим религиозным дурманом. Они

Championnière. Mémoires sur la Guerre de Vendée (1793–1796). P., 1904.

³⁶ О второй тенденции см.: *Savary J.-J. Guerres des Vendées et des Chouans contre la République française (...) par un officier supérieur des armées de la République. 6 vol. P., 1824–1827.*

³⁷ *Шатобриан Ф.* Указ. соч. С. 162.

³⁸ *Bérard S.J. Vendéens et chouans dans le théâtre de la Révolution // Vendée, Chouannerie, Litterature. P. 47–54.*

сделали людей своими рабами, они создали и поддерживали деспотизм. В наши дни они ведут бешеную агитацию, чтобы вновь сковать цепи, разорванные разумом и свободой. Но их усилия будут напрасны! Светоч правды рассеет своими лучами тот мрак, каким они хотят опутать вселенную»³⁹.

Член генерального совета департамента Вандея А.-Ш. Мерсье дю Роше открыто писал о священниках, собиравших «обманутых крестьян», призывая их «умереть за дело восстановления религии их отцов; они указывали им на небесный венец – награду за этот крестовый поход; они благословляли их оружие и пели им церковные песнопения, разъясняя ряд текстов из Священного писания, которые, по их словам, предсказали все происходящее». В самом начале главами движения нередко были старые солдаты или стражники; дворяне же ждали, чтобы «события вылились во что-нибудь определенное». Увидев в действиях крестьян поразительную непоколебимость, «которая могла быть только следствием фанатизма» и свидетельством твердого намерения сражаться, они «заставили уговорить себя взять командование»⁴⁰.

Для революционных властей дворянско-клерикальный заговор казался неоспоримой реальностью. Народ «неправильно судит о благотворных мероприятиях Национального собрания по недостатку осведомленности», а «недоброжелатели пользуются его невежеством, дабы вводить его в заблуждение». Чтобы предохранить людей от «дурных советов, которые без конца преподносит им этот опасный сброд»⁴¹, правительству надлежит заняться «гражданской педагогикой» (начальное образование, пропаганда, революционные праздники)⁴². Однако провал предпринятых мер (о чем свидетельствовало упор-

³⁹ Цит. по: *Державин К. Н.* Театр Французской революции. 1789–1799. Л., 1932. С. 213.

⁴⁰ Отрывок из мемуаров Дю Роше. // Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792–1794). Сборник документов и материалов. М., 1926. С. 648–649.

⁴¹ Протокол, направленный в дистрикт Шаллан (департамент Вандея) командиром и офицерами национальной гвардии Апремона // Документы истории Великой французской революции. Т. 2, М., 1992. С. 232.

⁴² См.: *Озуф М.* Революционный праздник 1789–1799. М., 2003.

ство крестьянского сопротивления республиканским войскам и значительные успехи восставших) привел к убеждению, что у вандейских простолоудинов, помимо очевидных источников «заблуждения» (дворяне и священники) имелись причины более глубокого свойства – как внешние (Англия, эмиграция), так и внутренние (особенности их характера).

В чем же эти несколько тысяч сельских жителей находили опору для внезапно возникшего духа единства и поразительной слаженности в столь долгом сопротивлении «истине, справедливости, праву, разуму, свободе» (В. Гюго)? Парадоксальность, неожиданность и размах феномена заставили современников без колебаний поверить в существование неких народных традиций, закреплявших инаковость региона и его населения⁴³.

Генерал Л.-М. Тюрро с искренней убежденностью отмечал, что сама природа края, обычаи и нравы местных жителей составляют «причину его несчастий и источник религиозных или междоусобных войн, для которых Пуату *всегда* выступал колыбелью и театром действий (курсив мой. – Е. М.)»⁴⁴. Он с восхищением писал о рядовых участниках восстания, их «нерушимой преданности» делу, «безграничном доверии» к командирам, «верности данному обещанию», способной заменить собой дисциплину. Неукротимая отвага, презирующая все виды опасности, усталость и лишения, выковала из вандейцев опасных врагов. Перечисленные свойства предуготовляли им в истории одно из самых первых мест среди «воинствующих народов». И все же победный дух произрастал не на вполне здоровой почве: «глубокое невежество пуатевинца, его абсурдные предрассудки, настолько укрепленные и укорененные, что на протяжении многих веков он не сделал и шага в направлении разума, делали его существование чисто механическим»⁴⁵.

⁴³ Cavoleau J.-A. Annuaire statistique du département de la Vendée pour l'an XII. Statistique ou description générale du département de la Vendée. Nantes, 1818. P. 345; Phisionomie morale, intellectuelle et politique du département de Maine-et-Loire en 1834 // Anjou historique. XX-e année. Angers, 1919. P. 89.

⁴⁴ Turreau L.-M. Op. cit. P. 20.

⁴⁵ Ibid. P. 19.

Несмотря на происходившую полемику, указанные выше объяснительные модели сливались в общественном сознании в картину некоего символического целого – феодализма, варварства, прошлого.

«Ведь это сердце Республики, – говорил Б. Барер, – куда укрылся фанатизм и где священники воздвигли свои алтари; ведь именно там эмигранты [...], войдя в соглашение с лигой держав, собрали обломки изменнического трона; ведь именно с Вандеей сносятся все аристократы, федералисты, сторонники власти департаментов и секций. На Вандею опираются преступные замыслы Марселя, позорная продажность Тулона, крики лионских бунтовщиков, волнения в Ардеше, смуты в Лозере, заговоры в департаментах Эр и Кальвадос, надежды Сарты и Майенны, недоброжелательное настроение в Анжере и глухое брожение в нескольких департаментах бывшей Бретани»⁴⁶.

Объединенные силой художественного воображения⁴⁷, отмеченные выше элементы создали стройный эпически, но научно ложный образ гигантского, слаженного восстания.

«Вандейская война, – писал Ф. Минье, – была неизбежным последствием революции. Страна эта, прилегая к морю и Луаре и усеянная селами, поселками и хуторами, не обладала достаточными путями сообщения и вообще оставалась еще почти при прежнем феодальном устройстве. Городов в Вандее почти не было, средний класс населения был очень немногочислен, и новые идеи потому проникали в нее туго. Класс поселян не имел других понятий, кроме тех, что ему внушали священники, и не отделял своих интересов от интересов господ. Эти простые, сильные, религиозные и преданные старому порядку люди совершенно не понимали революции, так как она являлась результатом верования и потребностей, совершенно с ними ничего не имевших общего. Знать и священство, чувствуя свою силу и влияние, совершенно из Вандеи не эмигрировали; здесь в полной мере сохранялись понятия старого режима, здесь оставались люди, ему преданные, и потому Вандее суждено было

⁴⁶ Доклад Б. Барера в Национальном конвенте и декрет о действиях армии в Вандее (1 октября 1793 г.) // Документы истории Великой французской революции. Т. 2. С. 255. (Курсив мой. – Е. М.).

⁴⁷ «Мы можем утверждать, – писал, например, Ф. Шеллинг, – что всякий великий поэт призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира и из его материала создать собственную мифологию». Цит. по: История всемирной литературы. Т. 6. М., 1989. С. 18.

стать центром партии монархического режима. Было ясно, что рано или поздно, а столкновение между Вандеей и Францией, так сильно различающимися и по верованиям, и по организации, должно произойти; фанатизм монархической власти и фанатизм главенства народа под противоположным влиянием, с одной стороны, духовенства, а с другой – революции, не могли не двинуться под сенью своих знамен друг на друга, одна ради восстановления старого режима, другие – для того, чтобы доставить торжество новому общественному укладу»⁴⁸.

На протяжении всего XIX столетия французская история фокусировалась вокруг идеи единства, где родной край (*pays*) и отечество неизбежно противопоставлялись друг другу. Роман «Девяносто третий год» завершал собой традицию «очистительного» патриотизма (помещавшего мятежников «на обочину» общества и государства). Оказавшись общностью вне нации, этот регион встал перед проблемой «достоверного обоснования» своей исключительности. Началось сознательное конструирование прошлого (облеченного в мифические одежды «чистого» католицизма и «природного» монархизма)⁴⁹. Героическая летопись Вандеи, следовательно, есть в сущности память, пропущенная через фильтр истории, память, подлинность которой «заверена», память, «преобразованная» в историю, то есть история-память⁵⁰.

«Память истории, – пишет Пьер Нора, – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике забывания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные периоды и внезапные оживления. История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы ужи-

⁴⁸ Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. М., 2006. С. 255.

⁴⁹ Bendjebbar A. La Mythologie vendéenne. 1793–1914 // Vendée, Chouannerie, Littérature. P. 508–509

⁵⁰ Martin J.-Cl. La Vendée, région-mémoire // Les lieux de Mémoire. Sous la dir. de P. Nora. T. 1. P., 1984. P. 595–610.

вается только с теми деталями, которые ей удобны. Она питается туманными, многоплановыми, глобальными и текучими, частичными или символическими воспоминаниями, она чувствительна ко всем трансферам, отображениям, запретам или проекциям. История как интеллектуальная и светская операция взывает к анализу и критическому дискурсу. Память помещает воспоминания в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим. Память порождается той социальной группой, которую она сплачивает, это возвращает нас к тому, что, по словам Хальбвакса, существует столько же памятей, сколько и социальных групп, к идее о том, что память по своей природе множественна и неделима, коллективна и индивидуальна. Напротив, история принадлежит всем и никому, что делает универсальность ее призванием»⁵¹.

Не случайно П. Нора ставил целью вернуть память под контроль историков в условиях, когда прошлое становится непредсказуемым (волна ревизионизма и «разоблачения мифов») и слишком зависящим от императивов настоящего. Первоначально речь шла о деконструкции отживших стереотипов национального мифа путем вскрытия механизмов их конструирования и функционирования. Но в итоге получалось, что память о событии нередко оказывалась более интересной для историка, чем само событие.

История символических значений образа Вандеи, история множасьих способов его использования много ли дает для понимания реальной Вандеи? Поиск выхода из такого затруднения должен быть связан с осмыслением феномена памяти, которая живет по своим законам и менее всего озабочена выявлением объективной истины, подкрепленной источниками.

⁵¹ *Нора П.* Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // Франция — память. С. 20.